

На правах рукописи

ДУДАРЕВ Сергей Леонидович

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И РАННИЕ КОЧЕВНИКИ
В ПРЕДСКИФСКУЮ ЭПОХУ
(IX – первая половина VII в. до н.э.)**

Специальности:

07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир)

07.00.06 – Археология

**А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва – 1999

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории Армавирского государственного педагогического института.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
М.Н. Погребова

доктор исторических наук
А.И. Иванчик

доктор исторических наук
А.Ю. Алексеев

Ведущая организация: Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова.

Защита состоится «___» _____ 1999 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д.003.01.01 по историческим наукам в Институте востоковедения РАН (103777, Москва, ул. Рождественка, 12).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИВ РАН.

Автореферат разослан «___» _____ 1999 года.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук*

А.Г. Володин

© Институт востоковедения РАН, 1999.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

Данная тема является частью обширной киммерийско-скифской проблематики, интерес к которой в кругах ученых всегда был весьма велик, а в последнее время и обострился, приобретя остродискуссионный характер. В идущей сейчас полемике обсуждаются, прежде всего, вопросы хронологического и этнокультурного порядка. Опровергая положения, высказанные А.И. Тереножкиным и А.М. Лесковым в середине 1970-х гг., ряд ученых стремится доказать частичную или даже полную синхронность черноморской и новочеркасской ступеней позднейшего предскифского периода на юге Восточной Европы (В.В. Дворниченко, В.Г. Петренко, О.Р. Дубовская, В.А. Ромашко, С.В. Полин, Т. Кемендеи и др.). Одновременно идет поиск даты скифского архаического комплекса, нижняя грань которого имеет стабильную тенденцию к удревнению (Г. Коссак, И.Н. Медведская и др.).

Все более усложняется ситуация с проблемой присутствия киммерийцев в Северном Причерноморье и даже самой историчности их как народа. Киммерийцы традиционно считаются древнейшим из числа известных по своему имени народов, обитавших в Европе к северу от Черного моря и Дуная /Тереножкин А.И., 1976/. "В лице киммерийцев, – писал другой видный отечественный ученый, – древние обитатели нашей страны впервые как бы связали свою историю со всемирной историей" /Крупнов Е.И., 1960/. Однако в последнее время киммерийцы, порой, превращаются уже не только в исторический, но и в археологический миф, если говорить об их культуре, как о особом образовании. Специалисты возвращаются к идее А.А. Иссена о единстве культуры киммерийцев и скифов, реже в ее "предскифском" варианте, но чаще – в архаическом скифском, представленном комплексами типа Имирлера и Норшунтепе в Малой Азии (материалы дискуссии по статьям И.Н. Медведской в РА и А.И. Иванчика в ВДИ). Речь идет о том, что раз облик культуры "письменных" киммерийцев, по существу, скифский, то ни черноморские, ни новочеркасские памятники не могут претендовать на роль археологического ее "воплощения".

Впрочем, как бы то ни было, бесспорным является факт интенсивных контактов с окружающим миром раннекочевого населения степей Юго-Восточной Европы "предскифской" эпохи, и в том числе с обитателями Северного Кавказа, которые были важной стороной культурно-исторических, этнических и иных процессов, шедших в эту эпоху на обширном пространстве между Дунаем и Волгой, с одной стороны, Поднепровьем, Кубанью и Терекком – с другой.

Связями кавказцев с номадами (и наоборот) в т.н. предскифский период

традиционно интересовались как кавказоведы, так и специалисты по степным и лесостепным культурам Восточной Европы. Однако в историографии до сих пор нет прецедента написания обобщающего исследования по северокавказской "киммерийской" проблематике. И это при том, что фонд археологических источников (причем весьма высокого класса) по предскифской эпохе на Северном Кавказе резко возрос в 1980-х – первой половине 1990-х гг., а сами они, нередко, по качеству явно превосходят материалы из Степи. Долгое время преобладала односторонность подходов к изучению взаимодействия кавказского и кочевого населения, процесс которого рассматривался с точки зрения культурной доминанты "киммерийской" или кавказской стороны. Анализ источников отличается локальностью и выборочностью. Для большинства специалистов такие понятия, как "группа", "культурная группа" или даже "культура Новочеркасского клада", в принципе синонимичны, однако убедительной характеристики этого феномена как особого культурного образования дано не было.

Между тем обращение к древностям "киммерийского" типа с территории Предкавказья позволило бы значительно конкретизировать место и роль восточноевропейских номадов предскифской эпохи в историко-культурных, политических и иных процессах на Кавказе, в Закавказье и в Западной (Передней) Азии и понять причины нынешней киммерийско-скифской "адекватности".

В изучении предскифского периода на Северном Кавказе главную роль играют памятники предгорно-равнинной (плоскостной) территории, исследуемые нами в течение 25 лет, которая в IX – первой половине VII в. до н.э. была наиболее тесно включена в орбиту связей кочевого и оседлого населения Евразии и стала местом выработки оригинального опыта взаимодействия автохтонов и номадов в рамках сложившейся еще в бронзовом веке системы "горы – степь", с возникновением кочевого скотоводства приобретшей качественно новые черты. Ключевое значение именно предгорно-равнинной территории для понимания сути характера и механизмов взаимодействия (и взаимовоздействия) оседлого населения Предкавказья с номадами побуждают нас *впервые* предпринять специальное исследование выявленных здесь памятников предскифского времени, содержащих древности, традиционно причисляемые к черноморовскому и новочеркасскому типам. Употребляя эти понятия как уже устоявшиеся и известные широкому кругу специалистов, мы против изначальной жесткой привязки находок этих типов с территории Северного Кавказа к конкретным этносам и культурам. Мы убеждены, что Кавказу может принадлежать роль своеобразной "лакмусовой бумажки", которая будет способствовать выявлению специфики отложения "киммерийского" пласта в культуре и истории племен и народов не только севернее, но и южнее Главного Кавказского хребта.

Цель и задачи исследования. Целью нашей работы является выяснение: реальной степени и специфики влияния ранних кочевников Восточной Европы предскифского времени на материальную культуру и различные стороны жизни северокавказских автохтонов и обратного воздействия последних на номадов, роли Северного Кавказа во взаимоотношениях степняков и оседлых цивилизаций в начале эпохи раннего железа.

К числу задач относятся: 1. Установление происхождения и культурной атрибуции ряда категорий т.н. кочевнического комплекса, относимых к черноморовскому и новочеркасскому типам, а отсюда и атрибутирование т.н. культуры Новочеркасского клада; 2. Выяснение хронологического соотношения комплексов черноморовского и новочеркасского типов на Северном Кавказе и определение времени появления комплексов с древнейшими вещами скифского типа; 3. Характеристика основных этапов взаимоотношений автохтонов Северного Кавказа с ранними кочевниками предскифской эпохи.

Поставленные цель и задачи определили *методику* исследования. В его основу положен *комплексный метод*, основывающийся на сопоставлении данных различных источников с учетом их особенностей и информативных возможностей. Конкретный анализ археологического материала осуществлялся, главным образом, традиционными методами: *типологическим, стратиграфическим, корреляционным, картографическим*. Привлекались данные, исследованные современными естественно-научными методами: *методом спектрального анализа и методом микроструктурного анализа*.

Источниковая база диссертации. Ее составляют материалы почти 1500 погребений и отдельных комплексов из 80-ти с лишним автохтонных могильников региона, а также двух десятков раннекочевнических захоронений и погребальных комплексов. В работе также используются данные по шести наиболее изученным поселениям предскифской эпохи с территории Северного Кавказа (Красногвардейское-II, Уллубаганалы, Змейское, Бамутское, Сержень-Юртовское, Ачису). Все эти памятники подверглись изучению во второй половине XX в. усилиями целого ряда специалистов (Е.И.Крупнов, Р.М.Мунчаев, Е.П.Алексеева, Н.В.Анфимов, М.И.Пикуль, В.Г.Котович, В.Б.Виноградов, В.И.Козенкова, В.Б.Ковалевская, В.И.Марковин, А.М.Лесков, О.М.Давудов, А.П.Рунич, Н.Н.Михайлов, В.М.Багчаев, Н.Г. Ловпаче, Э.С.Шарафутдинова, В.Р. Эрлих, А.Б. Белинский и др.). Часть из них добыта самим автором или при его непосредственном участии (в составе Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета им.Л.Н.Толстого, руководитель В.Б. Виноградов). В работе задействованы опубликованные, а также архивные материалы, хранящиеся в ИА РАН, Адыгейском институте гумани-

тарных исследований, коллекции из фондов музея краеведения в г. Грозном, с которыми автор ознакомился до 1991 г., Кисловодского филиала Ставропольского государственного объединенного музея краеведения им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве, Кубанского государственного историко-археологического музея-заповедника, Армавирского краеведческого музея.

Научная новизна. В диссертации впервые предпринята попытка целостного анализа тех материалов предскифского времени из северокавказского региона, которые возможно рассматривать в качестве свидетельства контактов между кочевниками и местными племенами, осуществлено картографирование таких материалов, выявившее показательную картину их распространения, проведена сквозная синхронизация древностей черноголовского и новочеркасского типов Северного Кавказа и уточнено соотношение между ними и памятниками предскифского времени Центральной и Юго-Восточной Европы, а также Закавказья и Западной Азии; выделены три периода внутри исследуемой эпохи, дана новая оценка "культуры Новочеркасского клада", исследовано значение связей с номадами как фактора развития коренного северокавказского населения.

Практическая ценность работы. Разработки автора по теме диссертации использовались при чтении вузовских регулярных и специальных курсов в Чечено-Ингушском госуниверситете ("Основы археологии", "Кочевники Восточной Европы в событиях зарубежной истории", "Происхождение, этническая история и демографические процессы у народов Северного Кавказа" и др., 1983–1991 гг.) и Армавирском госпединституте ("Основные этапы всемирной истории", 1993–1999 гг.). В последнее пятилетие результаты исследований автора активно применяются в системе информационной и научно-просветительской работы по линии Краснодарского регионального отделения Международной Академии информатизации. В специальной литературе, отечественной и зарубежной, систематически используются данные из опубликованных автором работ.

Хронологические рамки исследования охватывают IX – первую половину VII в. до н.э. В **географические границы** работы входит территория Северного Кавказа, под которой понимается ареал, простирающийся на север от Главного Кавказского хребта до Кумо-Манычской впадины /Гвоздецкий Н.А., 1954; Крупнов Е.И., 1960; Марковин В.И., 1960/.

Апробация основных положений диссертации осуществлялась в виде докладов на ряде научных конференций (региональных, всесоюзных, всероссийских, международных), опубликованных в их трудах, в гг. Анапе (1993), Армавире (1992–1998), Грозном (1973, 1978, 1981, 1985, 1988, 1991), Донецке (1979, 1989), Душети (1984), Ереване (1982), Железноводске (1998), Запорожье

(1989), Краснодаре (1976, 1989, 1993), Кисловодске (1992, 1994), Кишиневе (1990), Ленинграде—Санкт-Петербурге (1979, 1994), Махачкале (1975), Мелитополе (1992), Москве (1992, 1996), Ростове-на-Дону (1976, 1983, 1988, 1994, 1996, 1998), Сигнахи (1978), Ужгороде (1978), Черкесске (1977) и др. Основные положения диссертации отражены в опубликованных книгах и статьях.

Структура диссертационной работы. Она состоит из введения, трех глав и заключения, списка использованной литературы и источников, а также приложения, включающего альбом иллюстраций. В основу содержания по главам положен культурно-хронологический принцип. Объем и содержание глав определялся характером поставленных в них задач и объемом использованного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы, обозначаются ее хронологические и географические рамки, формулируются основные цели и задачи исследования.

Глава I "Проблема взаимоотношений населения Северного Кавказа с ранними кочевниками предскифской эпохи в специальной литературе" содержит историографический анализ работ, в которых представлены наиболее важные точки зрения по вопросам, составляющим предмет исследования. Предпринимаемый аналитический обзор имеет своими конечными целями методическое обоснование понятия "предскифская эпоха" и определение места Северного Кавказа в системе координат одной из наиболее значимых проблем отечественной и зарубежной (европейской) древней истории – киммерийской проблемы, уже не раз находившейся в фокусе внимания ученых /Harmatta J., 1948; Sulimirski T. 1959; Тереножкин А.И., 1973, 1976; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982; Нейхардт А.А., 1982; Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993; Махортых С.В., 1994; и др./.

– Несмотря на ряд попыток оценки гомеровских киммерийцев как мифического народа (Куклина И.В., 1981, 1985; и др.) и непризнания их как отдельного этноса (Дьяконов И.М., 1981) мы присоединяемся к тем ученым, которые отрицательно относятся к этому "нулевому варианту" (Нейхардт А.А., 1982) и считаем, что киммерийцы – это реальный исторический народ, обитавший в Северном Причерноморье в IX – начале VII в. до н.э., а возможно и несколько ранее. Некое название с основой на "гмр" или "кмр" (А.И.Иванчик реконструирует его как Gimē(i)g (Иванчик А.И., 1996), скорее всего было подлинным именем, этнонимом киммерийцев, почему их "так согласно называли все восточные

и греческие источники" (Членова Н.Л., 1984). Данная констатация историчности киммерийцев и их конкретной северо-причерноморской локализации имеет основополагающее значение для последующего увязывания историко-культурных процессов, прослеживаемых в "предскифскую" эпоху в Предкавказье и на юге Восточной Европы, с событиями древневосточной хронологии конца III – первой трети II в. до н.э.

– Культурная (и надо полагать, этническая) картина указанной эпохи была достаточно разнообразна. Хотя археологи придерживаются в целом разделения "киммерийских" памятников на черноговорские и новочеркасские, следует указать на усложнение их внутренней структуры и культурного атрибутирования. Внутри черноговорских памятников, приобретших статус культуры /Дубовская О.Р., 1993, 1994, 1996/, выделяется несколько групп или подзон. Что же касается новочеркасских, то их атрибуция как особого этапа развития киммерийской культуры /Тереножкин А.И., 1976; Скорый С.А., 1991, 1996/ оспаривается некоторыми специалистами, видящими в них позднечерноговорские объекты /Дубовская О.Р., 1996, 1997/. Переоценивается и роль культурного субстрата в формировании черноговорского пласта. Ряд ученых рассматривает белозерский элемент лишь в качестве одной из возможных его составляющих, отрицая прямую преемственность белозерских и черноговорских древностей /Алексеев А.Ю. и др., 1993/. Указывается на обстановку коренной перестройки культурно-бытового уклада и процессы этнических смещений в момент формирования киммерийской культуры /Махортых С.В., 1994/. Явственно проступает и восточный импульс при переходе к кочеванию, связываемый с проникновением протоскифских племен /Мурзин В.Ю., 1990/.

– Несмотря на имевшие место попытки связать "черноговорцев" и "новочеркасцев" с киммерийцами /Тереножкин А.И., 1976/ или, соответственно с киммерийцами и древнейшими скифами /Лесков А.М., 1975, 1981/, ни одна из этих групп еще не может быть определенно сопоставлена с тем или иным из указанных этносов. В то же время, ширится мнение о скифском присутствии на юге Восточной Европы с (X) IX в. до н.э. /Черняков И.Т., 1985; Murzin V.Y., Skory S.A., 1994/, но особенно с (IX) VIII в. до н.э. /Мельюкова А.И., 1989; Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992; Гумилев Л.Н., 1993; Алексеев А.Ю., 1996; и др./ И.Н.Медведская, опираясь на работу Г.Коссака /Kossack G., 1987/, опустила первый этап раннескифской культуры во вторую половину VIII в. до н.э. /Медведская И.Н., 1992/. Примечательно, что даже у критиков И.Н.Медведской ранний рубеж скифской культуры связывается с концом VIII или рубежом VIII–VII вв. до н.э. /Раевский Д.С., 1993; Курочкин Г.Н., 1994/. Данная ситуация, будучи спроецированной на положение с трудноразличимостью памятников

киммерийцев и древнейших скифов и обозначенную выше тенденцию к синхронизации черноговорского и новочеркасского комплексов, побуждает многих исследователей вслед за А.А.Иессеном считать памятники ранних кочевников конца VIII–VII вв. до н.э. принадлежащими как той, так и другой группе номадов независимо от вариаций их конкретного археологического отождествления – новочеркасской или келермесской.

– Следовательно, термин "киммерийцы" может употребляться лишь в широком смысле слова, как собирательный, приложимый к членам племенного союза, возглавляемого этим народом /Крупнов Е.И., 1960/. Понятия же "предскифская эпоха", "позднейший предскифский период" и т.п. должны использоваться с эпитетом "так называемый"; без такой оговорки желательно брать термин "предскифский" в кавычки. Такой подход и применен в настоящем исследовании.

– С методической точки зрения "предскифская" эпоха характеризуется переходом от бронзы к железу, освоением верховой езды, началом кочевого скотоводства в Восточной Европе, первым применением металлических (бронзовых) удиц, появлением воинов-всадников и т.д. /Тереножкин А.И., 1961/.

– Абсолютная хронология этого временного отрезка не является общепризнанной и зависит от колебаний верхней границы белозерской культуры, самых глубоких дат начала существования черноговорской и новочеркасской групп и нижней даты РСК–1. Для автора руководящими являются верхняя дата Белозерки X в. до н.э. /Тереножкин А.И., 1976; Отроценко В.В., 1986; Бочкарев В.С., 1996/ и нижние даты ряда комплексов РСК–1: вторая четверть – середина VII в. до н.э. (Имирлер, Норшунтеле) /Алексеев А.Ю. и др., 1993/ и 660–640 гг. до н.э. (Келермесские курганы 1 и 2) /Галанина Л.К., 1994, 1997/.

– Видную роль в киммерийской проблеме играет Северный Кавказ как регион, входивший в ареал предполагаемого обитания киммерийцев и внесший выдающийся вклад в формирование древностей новочеркасского типа. Комплексы из автохтонных памятников Северного Кавказа с предметами черноговорского и новочеркасского типа используются для диагностирования их аналогов в Юго-Восточной и Центральной Европе /Махортых С.В., 1992, 1994; Kemenczei T., 1992, 1996; и др./ В центре внимания археологов находится вопрос об эпонимной роли новочеркасских элементов для культурной характеристики памятников позднейшего "предскифского" времени Северного Причерноморья (О.Р.Дубовская, С.А.Скорый, С.В.Махортых). Еще с середины 1970–х гг. украинскими учеными раньше других акцентировалось внимание на встрече в Предкавказье новочеркасских и древнейших скифских форм /Тереножкин А.А., 1976; Мурзин В.Ю., 1978; Махортых С.В., 1991/.

Однако, несмотря на эти важные посылки, истинная роль северокавказских материалов, как и основных теоретических подходов археологов-кавказоведов еще не нашла всесторонней оценки при освещении спорных вопросов "киммерийской" проблематики. Такое положение требует сквозного анализа историографии работ, посвященных взаимоотношениям населения Предкавказья с кочевыми племенами причерноморских степей в "предскифскую" эпоху.

Нами выделяются три этапа в изучении "киммерийских" древностей с территории Северного Кавказа.

1 этап (конец 1940-х – 1960-е гг.). В конце 1940-х – начале 1950-х гг. появились точки зрения о киммерийской принадлежности населения кобанской культуры, народов Северо-Западного Кавказа, в том числе, адыгов /Ельницкий Л.А., 1949; Лавров Л.И., 1954/. Она была подвергнута критике со стороны А.А.Иессена, Е.И.Крупнова, Б.И.Надэля, причем А.А.Иессен высказал главный довод, который продолжает сохранять свою силу и сейчас: "*Киммерийцы не вышли из гор, это степняки и кочевники, насколько мы знаем их по письменным источникам*" /Иессен А.А., 1954/. Ученый выделил на Северном Кавказе группу Новочеркасского клада (отнесенную к киммерийцам и предкам скифов), указав на ее связи с кобанской культурой горного Кавказа. Материалы Кобани были для А.А.Иессена шкалой, на которой он находил хронологическую позицию новочеркасских древностей. Им была создана надолго сохранившаяся "короткая" хронология "предскифского" периода /Котович В.Г., 1982/ – VIII – первая половина VII в. до н.э.

В отличие от А.А.Иессена, Е.И.Крупнов, неоднократно обращавшийся к "киммерийской" теме, обозначал этот период X–VIII вв. до н.э. Материальная культура киммерийцев в его представлении имела позднесрубный (в современном понимании – белозерский) облик. В то же время особый акцент Е.И.Крупнов делал на VIII в. до н.э. и такой "паспортной" категории предметов, как бронзовая конская сбруя. В ней он видел свидетельства пребывания в регионе самих носителей этой культуры, которые по мысли исследователя, занеся на Северный Кавказ совершенные типы конского снаряжения, стимулировали здесь его *местное производство*. Опираясь и на другие данные, Е.И.Крупнов ставил вопрос об общности материальной культуры центральных районов Северного Кавказа с культурой степного Юга в начальные века I тыс. до н.э. /Крупнов Е.И., 1960/. 1960-е гг. в целом характерны некоторым затишьем в изучении проблематики, связанным со смертью Е.И.Крупнова и процессом накопления новых материалов.

2 этап (самый конец 1960-х – 1980-е гг.). Его начало и первая половина ознаменованы появлением серии работ А.И.Тереножкина, категорично настаи-

вавшего на киммерийской принадлежности ряда артефактов с территории Северного Кавказа (бронзовых двукольчатых удил, трехпестельчатых псалнев, овалъноромбических наконечников стрел, то есть важнейших составляющих новочеркасского комплекса; а также биметаллических (бронзово-железных) мечей и кинжалов с крестовидной рукоятью (далее БМК КР); и др.). Ученый фактически проповедовал идею о явном культурном превосходстве степняков-киммерийцев над оседлыми соседями, особенно племенами кобанской культуры (между тем как Е.И.Крупнов при всем его увлечении киммерийцами, утверждал противоположное), связав с этой группой номадов распространение железа на северных склонах Кавказа /Тереножкин А.И., 1970, 1971, 1975, 1976, 1978/. Одновременно А.И.Тереножкин и А.М.Лесков, опираясь на материалы протомеотских могильников у с.Николаевского и хут.Кубанского, разделили памятники "предскифского" периода в Северном Причерноморье и в Предкавказье на две хронологические подгруппы – черноголовскую (900–750 гг. до н.э., по А.И.Тереножкину; середина VIII – начало VII в. до н.э., по А.М.Лескову) и новочеркасскую (750–650 гг. до н.э., по А.И.Тереножкину, конец VIII – третья четверть VII в. до н.э., по А.М.Лескову) /Тереножкин А.И., 1975–1976; Лесков А.М., 1975, 1981/.

Отношение к этим выводам в среде археологов-кавказоведов было неоднозначным. Культурно-хронологические построения названных специалистов были в целом поддержаны одними /Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунин А.П., 1980/ и в части форм проявления "киммерийского" влияния на северокавказцев оспорено другими, прежде всего группой ученых-автохтонистов (термин В.И.Козенковой). Именно они в 1970-е гг. выступили наиболее стойкими оппонентами идей А.И.Тереножкина: В.Г.Котович, Н.В.Анфимов, В.И.Марковин, В.И.Козенкова. Эти исследователи отстаивали приоритет местных племен в процессе формотворчества предметов т.н. кочевнического комплекса – удил, псалнев, молотков, БМК КР и др. В то же время, в отношении хронологической схемы А.И.Тереножкина среди автохтонистов не было единства: В.И.Козенкова ее принимала, а В.Г.Котович (как и В.Г.Петренко и др.) оспаривал /Котович В.Г., 1976, 1978, 1982; Анфимов Н.В., 1971; Биджиев Х.Х., Козенкова В.И., 1980; Петренко В.Г., 1982/.

Оригинальный ракурс в исследовании киммерийской проблемы связан с разработками Н.Л.Членовой, выдвинувшей гипотезу о глобальной киммерийско-карасукской общности культур Евразии XIII–VIII вв. до н.э. /Членова Н.Л., 1971, 1972/. При всей уязвимости ряда положений, особенно тезиса о киммерийской принадлежности т.н. каменноостско-березовской культуры, в которую были включены протомеотские и кобанские племена (против этого высту-

пили С.Л.Дударев и В.И.Козенкова) гипотеза Н.Л.Членовой по-своему объективно отражает один из этапов евразийской интеграции, позднее проявившейся в возникновении непрерывной цепи культур скифского мира.

Эпицентром полемики о степени и формах взаимного влияния автохтонных северокавказских и степных культур во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. явилась дискуссия вокруг происхождения БМК КР, выявившая три главные точки зрения: 1. О степной киммерийской доминанте в их генезисе /Тереножкин А.И., 1975–1976; Корпусова В.Н., Белозор В.П., 1980/; 2. О кавказско-ближневосточно-средиземноморских истоках БМК КР /Членова Н.Л., 1975–1976; Козенкова В.И., 1975, 1982; Котович В.Г., 1976, 1978, 1982/; 3. О множественности центров производства БМК КР /Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомиин Л.Д., 1977/.

К иным аспектам полемики относится попытка В.Г.Котовича доказать исключительно кавказские корни бронзовой конской сбруи "предскифского" времени с одновременным ее удревнением до XII–IX вв., повлекшим за собой и пересмотр "короткой" хронологии А.А.Иессена. Она не встретила поддержки даже со стороны автохтонистов. Одновременно была подтверждена кавказская основа черной металлургии и железоделания в Предкавказье, стимулируемая давлением агрессивных кочевников-северян, а также приведены серьезные аргументы в пользу эффективности хронологической схемы А.И.Тереножкина применительно к материалам Центрального и Восточного Предкавказья /Дударев С.Л., 1983/.

К середине 1980-х гг. представления о взаимодействии Степи и Кавказа настолько усложнились, что, с одной стороны, уже нельзя было говорить ни о каком превосходстве кочевников; с другой, вопрос "для киммерийского периода, кто на кого влиял и в каких конкретно формах это проявлялось" во многом оставался нерешенным /Козенкова В.И., 1989/.

3 этап (1990-е гг). Бурный рост источниковой базы в 1980–1990гг. привел к необходимости теоретического осмысления полученных первоклассных данных (могильники Кочипз, Фарс, Пшиш-1, Клиш-яр III и др.). В 1991 и 1995 гг. появились работы С.Л.Дударева, в которых были сделаны два главных вывода: 1) преобладающая часть категорий "кочевнического" комплекса имеет кавказский генезис, но возникла в условиях военно-политического давления степняков на автохтонов и затем была заимствована кочевниками; 2) древности типа Новочеркасского клада – не особая археологическая культура, а межэтническая субкультура воинской, всаднической верхушки, сплав кобанских и степных компонентов. Одновременно С.В.Махортых произвел систематизацию раннекочевнических "предскифских" погребений с территории Предкавказья, а также

выявил сложность этнокультурных процессов в автохтонной среде, шедших при участии степных элементов, прежде всего у протомеотов. В то же время, высказанное им мнение о принадлежности части воинских погребений протомеотов и "кобанцев" к дружинным нуждается в дополнительной аргументации /Махортых С.В., 1992, 1994, 1996/.

В свою очередь, В.Р.Эрлих выделил круг предметов "новочеркасской триады", представленной им в развитии взглядов А.М.Лескова, в качестве генетической предшественницы раннескифской /Эрлих В.Р., 1994/. Новые замечательные материалы из курганов Хаджох 1/1 и 1/2 /Сазонов А.А., 1997/ в целом подтверждают наблюдения В.Р.Эрлиха.

Следует отметить и работы В.И.Козенковой середины 1990-х гг., которые можно аттестовать как проявление "позитивного автохтонизма" /Козенкова В.И., 1994–1996/. Наиболее важен вывод археолога о том, что "кочевнический комплекс" (КК) – это результат взаимодействия двух миров – северокавказского и степного – при котором кобанские мастера приспособлялись ко вкусам и потребностям кочевого населения /Козенкова В.И., 1996/.

Ряд конкретных разработок В.Р.Эрлиха, С.Б.Вальчака, А.Б.Белинского, Е.А.Бегловой, А.А.Сазонова и др. касаются атрибуции как отдельных комплексов, так и целых (и притом ярких!) памятников, а также диагностирующих категорий материальной культуры (прежде всего, конской сбруи), углубляя представления о существовании историко-культурных процессов в Предкавказье, шедших на стыке кочевого и автохтонного миров.

В заключении главы I подводятся ее итоги и отмечается, что полемика о приоритете степного или кавказского начал в формировании "предскифских" памятников с элементами черноголовского и новочеркасского облика из Предкавказья, начавшаяся как своеобразный "ответ-на-вызов" кавказоведов по отношению к высказываниям А.И.Тереножкина и его сторонников, привела к настоящему времени к более глубоким, взвешенным оценкам роли пришлых и местных компонентов, сделанным, однако, на базе отдельных районов или археологических культур (КИО) Северного Кавказа. Констатируя серьезные подвижки в деле изучения взаимодействия Кавказа и Степи необходимо отметить то, что сложившаяся ситуация требует создания обобщающей работы (или ряда работ) регионального характера, с попыткой анализа всего наличного материала, чему и посвящено предлагаемое исследование.

В главе II "Древности черноголовского и новочеркасского типа в контексте памятников предскифского времени Предкавказья", являющейся основной в исследовании, выясняется соотношение черт кочевого погребального обряда и артефактов обоих изучаемых типов с фондом местной материальной культуры,

устанавливается типология и генезис предметов КК с территории региона.

Работами наших предшественников было доказано непосредственное присутствие групп кочевого населения "предскифской" эпохи в степном и предгорно-равнинном (плоскостном) Предкавказье. Следы обитания их здесь фиксируются с одной стороны, по немногочисленным захоронениям и отдельным комплексам (немногим более 20), среди которых выделены ранние и поздние, соответствующие черноморской и новочеркасской группам. Чаше эти погребения бывают впускными в курганы (ранние), реже – основными (поздние) /Махортых С.В., 1994; Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р., 1982, 1989/. С другой стороны, на указанной территории отмечается наличие памятников монументального искусства, т.н. киммерийских стел (хут. Зубовский, ст-ца Усть-Лабинская, сел. Кызбурун-1, Куркужин), число которых перевалило за 30 /Тереножкин А.И., 1976, 1978; Членова Н.Л., 1984; Батчаев В.М., Кереев Б.М., 1980; и др./.

Важно заметить, что все следы пребывания номадов того времени на Северном Кавказе выявлены северо-западнее излучины Терека, то есть на тех территориях, где нахождение летописных киммерийцев отмечается в топонимии, фольклоре, а по отношению к Северо-Западному Кавказу, особенно Таманскому полуострову, и в античной письменной традиции (Геродот, IV, 12) /Крупнов Е.И., 1960; Нейхардт А.А., 1982; Цагаева А.Дз., 1971; Членова Н.Л., 1984; Ловпаче Н.Г., 1986; и др./.

Причины столь редкого обнаружения памятников ранних кочевников и отложения их погребальных комплексов в виде именно впускных захоронений *впервые* связаны нами с тем, что номады "предскифского" времени находились, вероятно, на стадии *таборного кочевания* /Летнева С.А., 1982/. И лишь тогда, когда в результате освоения предкавказских равнин в их среде начались процессы седентаризации, появились подкурганые погребения (Уашхиту) и стали устанавливаться каменные надмогильные стелы, одновременно отмечавшие обжитую, освоенную территорию. Весьма симптоматично, что стелы, имея некоторые "материнские признаки", доставшиеся им от "оленьих" прототипов приобретают ряд черт, придающих им неповторимый, специфический облик /Членова Н.Л., 1984; Ольховский В.С., 1990/. Набор аксессуаров, изображенных на стелах, в существенной степени зависит от соседней кавказской этнокультурной среды (кинжалы, топоры, пояса и др.) (Н.Л.Членова). В свою очередь, их семантика, как и смысловое содержание других деталей (височных колец, луков и пр.), а также идейного замысла памятников в целом, отражает мировоззренческие представления жителей степной полосы Евразии и близость последних, что впервые столь наглядно показано в работе, с верованиями и культами автохтонных племен. Анализ материалов Хосрехского святилища в горном Даге-

стане, отнесенного ранее к киммерийцам /Давудов О.М., 1980, 1983/, показав обоснованность мысли о первоначальном степном импульсе, продемонстрировал прочное, органическое слияние идеологических воззрений пришельцев и кавказцев в условиях тесного соседства (центральноазиатская архитектура и кавказское вещевое наполнение).

Это слияние, почвой для которого могла быть идеология племен "горно-степной" бронзы II тыс. до н.э. /Марков Г.Е., 1976/, прослеживается нами в наличии близких, а то и одинаковых черт погребального обряда и ритуала, ввиду чего бывает сложно отличить захоронение степняка от могилы представителя местного населения Предкавказья. Это приводит иногда к включению кочевнических погребений в число памятников северокавказского населения /Козенкова В.И., 1989; Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л., 1997/. На наиболее репрезентативных примерах (погр. 6 кург. 1 у с. Садовый, захоронение у "Красных камней" и др.) было показано, что нашим возможным вкладом в методическую сторону изучения данного вопроса является *тщательный учет удельного веса деталей и микродеталей погребального обряда в культурах степняков и аборигенов и их сравнительное взаимное сопоставление*. Только благодаря осуществленному в совокупности признаков и их количественных показателей исследованию черт погребальной обрядности возможно установление принадлежности погребенного к кочевому или кавказскому населению.

Именно пристальное внимание к деталям обрядности является, во многом, ключом к пониманию степени возможного влияния степняков на похоронные традиции автохтонов в свете вопроса о реальности проникновения номадов в местную среду и "киммеризации" ее представителей. В этом отношении нами *впервые* осуществлен анализ погребального обряда племен Северного Кавказа начала I тыс. до н.э., в котором мы уделили особое внимание таким его чертам, которые имеют на наш взгляд, отношение к степной обрядности. К ним мы относим такие как: *наличие курганной насыпи, вытянутое или слабоскорченное положение костяка, северо-западная (западная) ориентировка, специфическое расположение рук (например, вытянутость левой руки вдоль тела при скорченном, положение правой руки на пах, а левой поперек живота при вытянутом положении погребенного), наличие заупокойной пищи в могиле, захоронение коня и (или) частей его тела, а также деталей сбруи, присутствие следов охры, отщепов кремня и т.п.* Причем наибольшее значение мы придаем тем случаям, когда в одном захоронении наблюдалось не менее 3-х указанных признаков. Все они рассматривались в главе II на фоне традиционной погребальной обрядности и в ее контексте, с учетом тенденций развития последней в ретроспективе (поздняя бронза) и перспективе (раннескифский период). Для выясне-

ния места и значения лошади в культуре северокавказских племен нами были использованы данные по скотоводству у коренного населения (на материалах Змейского, Бамутского, Сержень-Юртовского и др. поселений) и произведения прикладного, а также монументального искусства автохтонов (В.И. Козенкова, А.Р. Магомедов, О.М. Давудов, Е.Е. Кузьмина, В.М. Котович и др.).

В итоге нам удалось установить отсутствие какого бы то ни было заметного воздействия степняков на этнические процессы на Северо-Восточном Кавказе, причем не только в горной, но и предгорно-равнинной зоне. Здесь можно указать лишь на два (!) случая (погр. 56 Сержень-Юртовского и погр. 38 Зандакского могильников) с более высокой концентрацией "степных" элементов в одном захоронении (3 признака). Отдельные проникновения в горные ущелья кочевых включений не нарушали поступательного развития местного этнического элемента, а сами пришельцы быстро растворялись среди кавказцев (Хосрех). Единственным ощутимым свидетельством непосредственного, хотя и сравнительно кратковременного, контакта жителей Северо-Восточного Предкавказья (главным образом, предгорно-плоскостного Притеречья) с номадами было появление, а затем и угасание, обряда конских захоронений (Сержень-Юрт, Зандак, Аллерой и др.).

К северо-западу от Притеречья ситуация усложняется. Здесь, в отличие от притеречных районов, крайне редки памятники материальной культуры, одновременно непосредственно предшествующие и синхронные "предскифской" эпохе (типа Майртупского могильника № 2 XI-VIII вв. до н.э. в Чечне) /Даутова Р.А., Дударев С.Л., Власова Т.Н., 1982; Дударев С.Л., 1982, 1986/, что не позволяет столь же четко проследить эволюцию погребальной обрядности в момент появления раннекочевнических контингентов в северокавказском регионе. Однако и в центральной части Предкавказья (Кабардино-Пятигорье) генетическая преемственность основных традиций в рассматриваемой сфере /Марковин В.И., 1960/ не вызывает сомнений. Можно привести лишь считанные случаи погребений с 3 признаками "раннекочевой" обрядности (могильник № 1 на Кисловодской мебельной фабрике – далее КМФ, погр. 17, 34, 36, 43; гробн. 3 Терезе), составляющих не более 1,3% от общего числа могил с установленными деталями обряда погребения /Козенкова В.И., 1989; Флеров В.С., Дубовская О.Р., 1993/. Что же касается весьма распространенных у западных "кобанцев" северо-западной (28%) и западной (13,5%) ориентировок, слабоскорченных костяков и отчетливой тенденции роста числа грунтовых захоронений с позднейшего "предскифского" времени /Виноградов В.Б., 1972/, то эти черты погребального обряда имеют наибольшую концентрацию в отдельных могильниках, прежде всего в могильнике № 1 на КМФ. Здесь погребенные с северо-западной ориен-

тировкой составляли 75,5%, а слабоскорченные костяки – 36,7%. в то время как по всей "западнокобанской" группе памятников последние насчитывают 15,5%. Такое положение объясняется наибольшей продвинутой коллективом, оставившего этот могильник, во взаимоотношениях со степным миром.

Горный же район Центрального Кавказа в "предскифскую" эпоху, положение в котором контролируется блестящими тлийскими материалами (Б.В. Техов), демонстрирует фундаментально прослеженное становление в условиях относительной горной изоляции *гомогенной* культуры поздней бронзы – начала раннего железа, чей сугубо местный статус очевиден для большинства исследователей.

Наиболее проблематичен вопрос о происхождении протомеотской культуры. Ее формирование пришлось на начало установления контактов ранних кочевников с населением Предкавказья. Бесспорное доминирование скорченных захоронений на Кубани в позднебронзовый период /Шарафутдинова Э.С., Каминский В.Н., 1988; Шарафутдинова Э.С., 1991/ и внезапное появление целого пласта с вытянутыми костяками в протомеотских могильниках с началом эпохи раннего железа /Шарафутдинова Э.С., 1989, 1991/ создают впечатление зависимости новационной позы от натиска степняков. Но явно подчиненный статус этой позы в степном "субстрате" (белозерцы) и отсутствие ее у синхронных протомеотам предкавказских "черногорцев" могут указывать на глубокие *внутренние* социокультурные изменения, происходившие в новых исторических условиях у автохтонов Северо-Западного Предкавказья.

Протомеотская культура (культурно-историческая общность) – яркий пример модели *гетерогенного* характера формирования, в процессе которого активно взаимодействовали (и взаимовоздействовали) различные по происхождению элементы, как субстратные позднебронзовые, так и современные, эпохи начала раннего железа, горные и степные (кобяковско-белозерские, местные, идущие от северокавказской КИО, раннекочевнические, колхидо-кобанские) /Дударев С.Л., Пелих А.Л., 1997; Пелих А.Л., 1998/. В условиях наиболее активного проявления степных импульсов на Северо-Западном Кавказе не происходило, как показано в исследовании, безусловного и сплошного подчинения кочевническим ведущим автохтонным этнокультурным показателям. По данным погребального обряда следует говорить не более чем об 1% захоронений (от опубликованного на сегодня материала), которые можно связать с процессом "киммеризации" местного населения (вытянутая на спине, с небольшим разворотом на правый или левый бок с западной или северо-западной (северной) ориентировкой, поза погребенного, положение рук на пах, поперек живота и т.п.) (могильник Кочиптэ, погр. 30, 33, 36 и др.) /Ловпаче Н.Г., 1991/.

Таким образом, в памятниках северокавказского населения нами не прослежены массовые или, по крайней мере, количественно заметные устойчивые сочетания *комплекса черт кочевой погребальной обрядности*. Влияние степняков на похоронные традиции автохтонов выглядит размытым, дисперсным, локальным. Этим ситуация "предскифской" эпохи контрастирует со (скифским) периодом в котором нами /Дударев С.Л., 1991, 1992, 1997/, а также другими исследователями /Виноградов В.Б., 1986; Абрамова М.П., 1991; и др./ выделены яркие памятники значительных этногрупп синкретического, скифо-кавказского характера (типа Нарганских курганов), по обрядности которых бывает весьма сложно судить о принадлежности погребенных к кочевой или кавказской среде. Для "предскифского" времени такие прецеденты насчитываются, в лучшем случае, *единицами погребений*, а подлинно "синкретическое" захоронение в Клиньяре (подбойная могила со скорченным костяком и специфически "западнокобанскими" накосными женскими украшениями) /Прокопенко Ю.А., Фоменко В.А., 1996/ – *единственное в своем роде*.

Разносторонний системный анализ изделий черноговорского и новочеркасского типов с территории Северного Кавказа базировался, в основном, на традиционных методах: сравнительно-типологическом, корреляционном, методе картографирования, а также на наиболее полном на сегодняшний день учете предметов КК.

Среди них выделяются 6 основных категорий: 1 – *наконечники стрел*; 2 – *клинковое оружие*; 3 – *боевое и парадно-церемониальное оружие ударного действия*; 4 – *ножи*; 5 – *оселки*; 6 – *конская сбруя*.

В 1 категории, подразделяемой на две группы (биметаллические и костяные наконечники), наиболее репрезентативна группа 1. Самое важное место в ней занимают наконечники 1 и 2 подгрупп – черноговорских и новочеркасских типов (по 5 в каждой). Черноговорские типы, будучи представленными в Предкавказье 39 экз., в автохтонных памятниках немногочисленны (15 экз.) и нигде не составляют в них колчаных наборов. Подавляющее большинство находит аналогии в степных памятниках Северного Причерноморья (М.Цимбалка и др.) /Тереножкин А.И., 1976/. Стрелы малоцимбальского типа являются дальнейшим продолжением линии развития втульчатых бронзовых наконечников стрел эпохи бронзы Евразийских степей /Клочко В.И., 1979; Дворниченко В.В., 1990/. Возможен и центральноевропейский импульс в формировании северокавказских "кimmerийских" наконечников черноговорского типа /Козенкова В.И., 1982/.

Наконечники новочеркасских типов представлены в Предкавказье 54 экз. (17 экз. из раннекочевнических и 37 экз. – из аборигенных памятников и комплексов). Ареал их распространения значительно расширился, достигнув на

северо-востоке Нижней Волги и Южного Приуралья, а на северо-западе – Средней Европы (Восточная Венгрия, Кишкунхалас) /Keményzei T., 1994/.

И хотя возникновение стрел новочеркасских форм связывается сейчас с Северным Кавказом /Вальчак С.Б., Эрлих В.Р., 1993; Дубовская О.Р., 1997; и др./, невозможно игнорировать то, что в технике их изготовления прослежена северопричерноморская традиция эпохи поздней бронзы /Клочко В.И., 1979/. Кроме того, прототипы некоторых форм (Султангорский могильник № 1, погр.1) восходят к памятникам срубной и андроновской КИО /Дворниченко В.В., 1990/.

Через посредничество степняков к северокавказцам попадали и образцы группы II – опорновтульчатые костяные наконечники листовидной, пирамидальной и пулевидной форм (39 экз.), распространенные в степи и лесостепи Юго-Восточной Европы.

Наконечники стрел степных форм очень редки на Кубани (3 экз.) и на территории Дагестана (1 экз.). Все остальные происходят из ареала кобанской КИО (89 экз.). Причем 65% из них приходится на долю "западнокобанского" ареала, где соотношение образцов со степным и кавказским генезисом равняется 77 к 23%, в то время как на востоке кобанской общности картина прямо противоположна (20 и 80 %). Одно из центральных мест в нашем исследовании занимает вопрос о генезисе БМК КР, составляющих основной массив *категории 2* (67 экз. из 70). География их распространения на Северном Кавказе такова: Закубанье – 22 экз. (33%), Кабардино-Пятигорье – 32 экз. (47%), Северная Осетия – 3 экз., Ингушетия и Чечня – 5 экз., Дагестан – 4 экз. 1 находка обозначена как найденная на "Кавказе". Таким образом, в северо-западных и центральных районах региона сосредоточено 80% БМК КР. При этом они практически вытеснили здесь в предгорно-равнинных районах клинковое оружие традиционных форм, чего нельзя сказать о северо-восточных районах, где, например, в Притеречье на три с лишним десятка безчерешковых и черешковых клинков приходится всего 5 БМК КР /Козенкова В.И., 1982; Нераденко Т.Н., Дударев С.Л., 1997/.

Нами выделены 4 группы БМК КР /Дударев С.Л., 1983, 1991/. Генезис I группы (рукоять с грибовидным навершием и прямым развитым перекрестием) связывается с киммерийско-карасукским миром ввиду того, что для Кавказа данная форма перекрестия явилась инновационной /ср.: Крупнов Е.П., 1960; Мартиросян А.А., 1964; Марковин В.И., 1969; Воронов Ю.Н., 1969; Техов Б.В., 1977; Хачатрян Т.С., 1979; Пицхелаури К.Н., 1979 и др./ Наши предположения подтверждаются и спектроаналитическими исследованиями серии образцов с прямым перекрестием Северного Кавказа и Восточной Европы (Головятино, Гербино, Суворово, Николаевское и др.). Установлено, что их изготовление следует, в основном, связывать с деятельностью восточных производственных центров /Барцева Т.Б., 1988/.

III и IV группы (рукояти с кольчатой орнаментацией или в виде рамки и перекрестием, в виде острых треугольников) ведут свое происхождение от закавказского (восходящего к западноазиатскому) оружия с кассетно-рамочными рукоятями. Это, в принципе, подтверждают и спектроаналитические данные (Т.Б. Барцева). II группа является результатом слияния признаков I и III групп.

В то же время, единая технология и рецептура сплава при изготовлении БМК КР, восходящих к различным прототипам, говорят о глубоком и органичном слиянии местных традиций в оружейной моде с привнесенными извне достижениями ремесленного производства восточных районов Евразии. БМК КР Северного Кавказа, в свою очередь, вывозились в степь /Барцева Т.Б., 1988; Никитенко Т.Н., 1993/ и Волго-Камье /Кузьминых С.В., 1983/, вызывая и обратный импульс /Дударев С.Л., Фоменко В.А., 1996/, что подтверждает правоту мнения Б.А. Шрамко и его коллег об изготовлении "киммерийского" оружия в различных центрах /Шрамко Б.А. и др., 1977/.

Северокавказское (кавказское) происхождение предполагается и для мечей типа Бештау-Зольный, и особенно акинаков из Лермонтовского разъезда и "Сафоновского родника". Местные корни последних очевидны для целого ряда специалистов (А.М. Лесков, Е.В. Черненко, Б.А. Шрамко, В.Р. Эрлих, С.В. Махортых) и подтверждены новыми находками /Новичихин А.М., 1990, Дударев С.Л., 1996/.

В 3 категорию входят каменные и металлические молотки цилиндрической формы и топорики-молотки (те и другие разделены на два типа), а также секиры редких форм. Из 57 находок молотков и топориков-молотков 16 найдены в северо-западной части Предкавказья (28%), 35 – в центральной (61%), и в северо-восточной 6 экз. (11%). Секиры выявлены только в Закубанье и Пятигорье. Вслед за А.И. Тереножкиным мы предположили степное происхождение северокавказских цилиндрических молотков, указав на местный генезис их металлических разновидностей, подтверждение чему можно видеть в молотках из кавказского металла в днепровской лесостепи /Буйнов Ю.В., Грубник-Буйнова Л.П., 1985/. Существуют мнения о кавказских корнях молотков (В.И. Козенкова, О.Р. Дубовская), не учитывающие отсутствие четких хронологических, территориальных и морфологических связей между "киммерийскими" образцами и их гипотетическими местными прототипами, а также приведенную топографию этих находок, совершенно неизвестных на крайнем северо-востоке исследуемого региона (Дагестан).

Каменные топорики-молотки из воинских погребений Предкавказья нельзя связывать со степными ввиду бесспорной связи с многочисленными предшественниками эпохи бронзы. Но невозможно пройти мимо того обстоятельства,

что подавляющее большинство топориков-молотков практически дублируют топографию молотков.

Группа бронзовых секир не имеет истоков в северокавказских древностях. Скипетр с головой хищника из погр. КМФ-14 часто сравнивают с конноголовыми скипетрами из Подунавья (И.Вернер, В.А. Ильинская, В.И. Козенкова, Я.Хохоровский и др.). Связь последних со среднеевропейскими птицеголовыми скипетрами конца бронзового века весьма вероятна /Эрлих В.Р., 1990/. Мотив же конской головы в Подунавье единодушно считается заимствованным с Кавказа. Важно заметить, что в Средней Европе оба вида скипетров сосуществуют в "предскифское" время /Chochorowski, 1993/. На Северном Кавказе же птицеголовые образцы крайне редки (Фарс-35), а их схема не "стыкуется" здесь с мотивом конской головы. Причину такого явления мы усматриваем в том, что на Кавказе в эпоху поздней бронзы – начала раннего железа существовала традиция украшения подобных культово-парадных предметов головами плотоядных животных с синкретическими чертами (барсо-волк, собако-волк) /Крупнов Е.И., 1960, Виноградов В.Б., 1972; Техов Б.В., 1988/, что лучше отвечало воззрениям автохтонов. Поэтому следует предположить, что "ретрансляция" в Среднюю Европу манеры украшать предметы конской головой способствовали именно кочевники Восточной Европы.

В коллекции бронзовых ножей из Предкавказья (4 категория) /Махортых С.В., 1997/, на наш взгляд, со степным влиянием связан лишь 1 тип бронзовых ножей, а типы 3 и 6, восходящие, по С.В. Махортых, к культурам Карпато-Подунавья, надо полагать, попали на территорию Северного Кавказа через посредство кочевников. 5 тип, т.н. камышевахский, связывается с местным бронзолитейным производством /Козенкова В.И., 1968; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 1983/ и поэтому не может выводиться из степей. Из трех типов железных ножей /Дударев С.Л., 1983/, первые два имеют сугубо кавказский генезис, а третий (серповидные) широко бытовал во многих культурах эпохи раннего железа Восточной Европы и Кавказа и потому атипичен /Крупнов Е.И., 1960/.

Что же касается каменных оселков (5 категория), то было бы преувеличением считать их признаком этнической принадлежности к киммерийцам, как это делают некоторые авторы /Членова Н.Л., 1984; Ловпаче Н.Г., 1986/. Эти предметы распространены на огромной территории от Карпато-Подунавья до Минусинской котловины, которая целиком не могла иметь отношения к этому древнему народу. Однако, в контексте Северного Кавказа не следует не замечать того, что оселки также, как и ряд перечисленных выше категорий предметов КК, преобладают в западных и центральных районах региона.

Ключевым вопросом взаимоотношений ранних кочевников "предскиф-

Классификация бронзовых удил предскифского времени с территории Северного Кавказа

ТИПЫ/ВАРИАНТЫ		ОТДЕЛЫ		
		I ОТДЕЛ Подвижные и разъемные	II ОТДЕЛ Подвижные и неразъемные	III ОТДЕЛ Неподвижные и неразъемные
I тип	Двукольчатые. Варианты:			
	1. двучастные	+	–	+
	2. трехчастные	+	–	+
II тип	Однокольчатые. Варианты:			
	1. собственно кольчатые	+	+	–
	2. овальные	+	–	–
	3. овально- трапециевидные	+	–	–
	4. кольчато- треугольные	+	–	–
III тип	Треугольно- стремечковидные. Варианты:			
	1. треугольно- конечные	+	–	+
	2. стремечковидные	+	–	–
IV тип	D-образные (сегментовидные)	+	–	–
V тип	Удила с кольцами различной формы.	+	–	–

ской" эпохи и северокавказских племен является генезис металлической конской сбруи из памятников Предкавказья и Северного Причерноморья, составляющей нашу 6 категорию КК. Используя элементы классифицирования бронзовых и костяных (роговых) удил и псалиев, встречающиеся в работах ряда специалистов Мессен А.А., 1953; Лесков А.М., 1971; Эрлих В.Р., 1991, 1994; Вальчак С.Б., 1997; Белинский А.Б., Вальчак С.Б., 1997; и др./ мы предложили нижеследующие типологические схемы "предскифской" узды Северного Кавказа (табл 1 и 2). В качестве краткого комментария к ним необходимо заметить следующее. Классифицируя бронзовые удила, мы считаем целесообразным придерживаться подхода, предложенного А.Б.Белинским и С.Б.Вальчаком, в котором руководящим является не тип удил, а способ соединения удил и псалиев, исходя из чего удила Северного Кавказа делятся на три отдела (I–III). Что же касается типологии псалиев, в которой за основу берутся, прежде всего, разработки В.Р.Эрлиха, то наиболее важно отметить введение нами еще одного классификационного уровня – видов (I–IV). Кроме того, мы считаем правомерным включать в данную классификацию костяные и роговые псалии из Предкавказья.

Конская сбруя, в целом, может быть поставлена следующей за наконечниками стрел по степени участия номадов в ее формировании. Из трех наиболее многочисленных типов удил I–III отделов со степями Евразии можно связать тип III. Его чужеродный характер для местных древностей /Козенкова В.И., 1995/ подчеркивается распределением находок на территории Северного Кавказа: из 32 экз. 26 найдены в Закубанье (81%).

Удила I и II типов генетически связаны с культурами Кавказа: двукольчатые возникли на базе однокольчатых, а эти последние попали на Северный Кавказ из Закавказья, куда проникли с территории Ближнего и Среднего Востока /Членова Н.Л., 1967, Пицхелаури К.Н., 1979/. Тем не менее, показателен расклад их коллекции на территории региона. Из 91 экз. двукольчатых удил 42 экз. или 46% найдены на Северо-Западном Кавказе (прежде всего, в Закубанье) и 43 экз. (т.е. 47%) обнаружена в памятниках Центрального Кавказа. Соответственно, из 42 находок однокольчатых удил 83% происходят из Закубанья (23 экз.) и Пятигорья (11 экз.).

Среди псалиев, при численном преобладании трехпетельчатых образцов I отдела (246 из 319 экз., или 77%), указывающем на доминирование новочеркасской традиции, трехдырчатые псалии II отдела в большей степени восходят к степной культуре. Картина распространения псалиев обоих отделов в регионе очень близка фиксируемой по удилам: 297 экз., или 94% найдены в северо-западной и центральной частях Северного Кавказа.

Из более чем 1200 находок КК черноговорского и новочеркасского типов (без оселков) 138 найдены в погребениях ранних кочевников и 1100 – в погребальных памятниках автохтонного населения, причем 90% от последней цифры – предметы, найденные северо-западнее излучины Терека. Важнейшим моментом здесь является тот, что из подборки картографированных типов вещей как те, которые имеют бесспорно кавказское происхождение (БМК КР III и IV групп, топорики-молотки, удила I к II типов всех трех отделов и др.), так и те, которые восходят к степным евразийским прототипам (наконечники стрел, I группа БМК КР, молотки и пр.), с завидным постоянством локализуются на одной и той же территории (Западное и Центральное Предкавказье), часто в одних и тех же могильниках и даже комплексах. Следовательно, составляющие

В И Д Ы	О Т Д Е Л		И Т И П Ы /Варианты	И О Т Д Е Л	
	Трехпетельчатые псални				Трехдвурчатые псални
	І тип. Стержневые	ІІ тип. Пластинчатые			
І Псални с правды или слева изогну- тым плечом.	1 вар. Фарс-28; 2 вар. Фарс-25;	-	1 вар. Эмейское - а. 2 вар. Сержень-Юрт.	1 вар. Мугертан- Адамовка; 2 вар. тип М.Имбалки	
ІІ Псални с огончатым концом или лопастью	1 вар. Фарс-14; 2 вар. В.Кобань-Пескутле; 3 вар. Хаджох-1/2; 4 вар. Абнжский 1/1; 5 вар. Терезе-3 - Белореченский 32; 6 вар. Султан-гора 1 - Клин-яр III; 7 вар. Кочитэ 5 - Зандлак-38; 8 вар. Новочеркасский "кавказский", 9 вар. Клин-яр III (14)	1 вар. Фарс-35; 2 вар. Фарс-6 - Кочитэ-30.	Дукмазов.	1 вар. тип Жабо- тине; 2 вар. тип Ушхи- ту-Жаботин.	
ІІІ Псални с равномерно (.Л.Г.Овдиано) изогнутым плечом.	Березовский-26	-	1 вар. Разнов. а. Зандлак 1/2 -Деривка Разнов. б. Майртут-Фонтаны; 2 вар. Эмейское-6; 3 вар. Николаевский-31 - Кубанский-36; 4 вар. тип Черногоровка; 5 вар. Казово.	1 вар. тип Сер- жень-Юрт - Камлышевах; 2 вар. Кисловодск; 3 вар. Алексеев- ский	
ІV Псални с фигурным плечом	Пескуле-90	-	Кубанский-39	-	

КК с кавказским генезисом были вызваны к жизни и востребованы для использования в сфере наиболее интенсивных контактов автохтонов и степняков и на территории, близко соседствующей с ареалом их постоянного присутствия.

В главе III "Хронология – периодизация культурных элементов "кочевнического комплекса" в регионе" в центре внимания находились вопросы обоснования верхнего и нижнего рубежа "предскифской" эпохи в связи с дискусионностью в заимокорреляции комплексов Карпато-Подунавья и Северного Кавказа и дат паноплии западноазиатского (ассирийского) типа из Центрального Предкавказья /Chochorowski, 1993; Полин С.В., 1994; Козенкова В.И., 1996; Эрлих В.Р., 1997; и др./, хронологического соотношения древностей черногоровского и новочеркасского типа на Северном Кавказе и на юге Восточной Европы, а также нижней даты скифского архаического комплекса.

Нам удалось установить, что отмеченное выше территориальное, а в отношении определенных археологических памятников и комплексов и прямое, непосредственное совмещение артефактов того и другого облика (могильник Кочитэ, Фарс, Пшиш-1 и др.) вовсе не является доказательством их полной синхронизации, а также принадлежности лишь к различным культурным группам.

Мы пришли к выводу, находящему подтверждение и в работах других специалистов /Сазонов А.А., 1995, 1996; Вальчак С.Б., 1997/, что комплексы с вещами черногоровского типа в целом *старше* древнейших новочеркасских. На Северном Кавказе четко выделяется группа погребений раннечерногоровского времени без каких бы то ни было новочеркасских включений (могильники Николаевский, Пшиш-1, Сержень-Юрт).

Этот временной отрезок, датируемый IX – первой половиной VIII в. до н.э. мы именуем "предскифский период – I". Его хронология опирается на синхронизацию конской сбруи из погребальных комплексов указанных могильников с находками времени НаВ₂ (Чернотин), конца НаВ₂ – рубежа НаВ₂-НаВ₃ и НаВ₃ (Штильфрид, погр. 6, Динниеш, Фрог) в Карпато-Подунавье /Chochorowski, 1993/. В степи этому периоду соответствуют курганы Черногоровка, Камышеваха, М.Цимбалка и др. Других эффективных средств диагностирования находок раннечерногоровского облика из Предкавказья, кроме параллелей из Средней Европы, на сегодняшний день нет. Проблема "замкнутой цепи" (Я.Хохоровский, В.Р.Эрлих) все еще не может быть радикально решена из-за отсутствия новых и независимых диагностирующих материалов, прежде всего, по раннему рубежу "предскифской" эпохи. Ориентация в этом случае на племя ассирийского и урартийского типа, появившиеся на Северном Кавказе якобы в IX–VIII вв. до н.э. (С.В.Полин, В.И.Козенкова) сомнительна и опровергается нами со ссылкой на историко-политическую ситуацию того времени в Западной Азии и Закавказье.

Следующий, "предскифский период – 2" (ПП–2), выделяемый в рамках середины – конца VIII в. (рубежа VIII–VII вв.) до н.э., имеет сложную хронологическую структуру, и впервые аттестуется нами как особый *переходный период*. Внутри данного временного промежутка намечаются две фазы: I – середина – третья четверть VIII в. до н.э., II – вторая половина – конец VIII в. до н.э. Они характерны тем (и на это также впервые столь отчетливо обращено внимание исследователей), что в комплексах первой фазы вещи древнего черноморского горизонта встречены с предметами ранне(прото)новочеркасского типа (Кочипэ, Фарс, КМФ № 1 и др.), а в инвентарных наборах второй фазы (могильники Ахтырский лиман 1, Абинский, Эчкивац, гробн. 3 Терезе и др.) предметы черноморского пласта найдены либо с артефактами "предклассических" и "классических" новочеркасских форм, либо с такими, которые известны с последними в одних комплексах.

Решающим в *методическом плане* свидетельством именно хронологического подтекста в формировании воинско–всаднических аксессуаров КК обоих исследуемых типов стали материалы могильника Пшиш–1, где прослеживается смена однородного черноморского конского убора смешанными черноморско–ранненовочеркасскими и чисто новочеркасскими уздечными комплектами в пределах одного могильного поля и при сохранении канонов традиционной погребальной протоимеотской обрядности, присущей более ранним могилам (Сазонов А.А., 1995).

Хронология ПП–2 опирается, с одной стороны, на уточненную датировку,клада Приудь в Венгрии (середина–вторая половина VIII в. до н.э.) /Дударев С.Л., 1998/, устанавливаемую ныне по наиболее молодым в его составе предметам конской сбруи "классического" новочеркасского типа /Kemény T., 1994, 1996; Белинский А.Б., Эрлих В.Р., 1994; Эрлих В.Р., 1997/. Нельзя не учесть и аналогии предметам ПП–2 из Средней Европы в Бихаругра, Печь–Якабхель, Посадке и др. времени НаВ₃ /Chochorowski J., 1993/. Отметим параллели и в Северном Причерноморье (удила и псалии из комплексов из Сергеевки в Присивашье и Благовещенки в Херсонской области) /Махортых С.В., Черненко Е.В., 1994; Leskov A., 1974/, которые предшествуют в степи появлению новочеркасской сбруи "классических" вариантов. С другой же, датировка ПП–2 основывается на прочном фундаменте дат "классических" новочеркасских древностей периода ПП–3.

Причина такой уверенности – в редкой по надежности стратиграфической колонке комплексов с предметами закавказско–западноазиатского (ассирийского) типа из Пятигорья (могильник Клино–яр III и др.) /Белинский А.Б., 1990; Дударев С.Л., 1991; Козенкова В.И., 1995/, которая в целом датирована нами последней четвертью VIII – первой четвертью VII в. до н.э. (это время распространяется

нами на весь ПП–3). Разделяемые между собой на шкале относительной хронологии данные комплексы дают возможность проследить такие важнейшие в диагностирующем плане моменты как появление на Северном Кавказе шлемов ассирийского типа времен Тиглатпаласара III – Саргона II в сочетании с "предновочеркасскими" псалиями (последняя четверть VIII в. до н.э.), стрел новочеркасского типа овальноромбических очертаний (главным образом, с конца VIII – рубежа VIII–VII вв. до н.э.) и наконец, проникновение в Предкавказье предметов с северо–востока Евразии, фиксируемых не только в центральной его части (клад с г.Бешпау), но и в Закубанье (Хаджох 1/2 и особенно Хаджох 1/1, Уашхиту и др.) и маркирующих собой появление в регионе *древнейшего скифского элемента*. Кавминводские и закубанские комплексы за пределами Северного Кавказа лучше всего коррелируют в плане относительной хронологии с памятниками Степи и днепровской Правобережной Лесостепи в такой последовательности – Зольный–Носачево–Бутенки/Квитки–Ольшана, в чем мы расходимся с С.А.Скорым, включающим курган у Квиток в первую группу указанных "киммерийских" памятников /Скорый С.А., 1996/. Однако абсолютная хронология этих объектов, предложенная археологом – 714–681 гг. до н.э. – близка нашей (705–679 гг. до н.э.) /Дударев С.Л., 1998/. В Средней Европе поздняя грань данного хронологического отрезка представлена кладом Фюгед в Северной Венгрии, отнесенном к началу VII в. до н.э. /Kemény T., 1988, 1994/, и содержащем псалии "сиалковского" варианта.

Наконец, сопряженность верхней даты памятников новочеркасского типа Северного Кавказа и Юго–Восточной Европы с VII в. до н.э. устанавливается и фактом сочетания наконечников стрел новочеркасских типов с образцами раннежаботинского типа (Гумарово, Квитки, Ольшана, Белоградц, центральная могила кург. I у хут. Красное знамя). Хронологическая связь раннежаботинских наконечников стрел с VII в. до н.э., в свою очередь, подкрепляется комплексами из раннесакских могильников (кург. 3 могильника Сакар–Чага) /Яблонский Л.Т., 1991/.

Бытование ряда образцов материальной культуры новочеркасского облика и мотивов прикладного искусства отмечается в течение второй четверти VII в. до н.э. в комплексах типа Норшунтепе, Келермесса, раннего Нартана (кург. 20) и некоторых других. Во второй половине VII – начале VI в. до н.э. мы сталкиваемся с переживанием лишь редких отголосков "предскифской" культуры, придающих отдельным комплексам этого времени сакрализирующий оттенок /Дударев С.Л., Рунич А.П., 1992/.

В *Заключении* прослеживается влияние кочевников на культурное и социально–политическое развитие северокавказских племен и подводятся итоги исследования. В свете результатов нашей работы очевидным стало то, что изделия черноморского и новочеркасского типов являются отличными друг от друга

культурно-хронологическими новациями в воинском быту местного населения, они не могут быть отнесены к *ведущим чертам* культурного комплекса автохтонов Предкавказья и являются отражением *военной моды*, сформировавшейся в треугольнике "Предкавказье – степи Юго-Восточной Европы – Карпато-Подунавье" в условиях активного взаимодействия и взаимовоздействия степняков с автохтонным населением. Причем возникновение этой моды в ее черноморском обличье произошло одновременно, в исторически короткие сроки, сделавшие безусловной фиксацию "переходных" форм в археологическом материале.

Новочеркасский комплекс в историко-культурном отношении понимается нами как *оригинальный сплав кобанских, закавказских и степных компонентов*. Его складывание происходит с начала VIII в. до н.э. прежде всего в предгорно-равнинной зоне Северо-Западного и Центрального Предкавказья в качестве *альтернативы* КК черноморского типа, в создании которого большую роль играли внешние, "северные" импульсы. Это был своеобразный ответ предкавказских автохтонов на растущее давление со стороны степи, которая в это время была едва ли не районом "экологического бедствия" /Артамонов М.И., 1974; Ромашко В.А., 1986; Machortych S.V., Ievlev M.M., 1992/. Данный фактор, а также шедшая социальная дифференциация внутри кочевой среды порождали агрессивность степняков.

Наиболее важными в стратегическом отношении районами Северного Кавказа на пути движения кочевников на юг, в страны Закавказья и Западной Азии были Закубанье, запиравшее широкие подступы к "Меото-Колхидской дороге" и район Кавминвод, через который открывается движение к перевалам Западного Кавказа (Марухский, Клухорский и др.). Именно этим и может объясняться *наиболее высокая концентрация* предметов КК в двух указанных районах региона. Новое вооружение и конское убранство создавалось в местных ремесленных мастерских с опорой на собственный производственный потенциал и богатый опыт закавказских соседей для успешного противостояния кочевнической опасности и, в то же время, обмена со степной средой. Можно сказать, что *номады заимствовали у северокавказцев или самими "спровоцированный" комплекс вооружения воина-всадника*. Без подобного "довооружения" им невозможно было соперничать как с сильными племенными, так и раннеполитическими объединениями типа "царства" Кулха (Колха) в Западном Закавказье, не говоря уже о государствах Западной Азии. Особо отметим, что взаимоотношения северокавказцев с кочевым миром в "предскифскую" эпоху носили иной характер, нежели в скифский период. Прослеженное отсутствие сколько-нибудь заметного влияния Степи на ход этнокультурных процессов в аборигенной среде говорит о равноправии сторон во взаимном общении, суть которого можно охарактеризовать

как *"партнерство-соперничество"*. Коренные жители не утратили своей независимости (хотя наличие даннического подчинения отдельных групп исключать нельзя), а давление степняков не привело к уходу местного населения в горы.

Взаимообщение с номадами и возможное участие в их походах на юг стимулировали *развитие социально-политических процессов* у автохтонов, живших северо-западнее излучины р. Терека. Именно в "предскифскую эпоху" у них начинает формироваться *институт наездничества*, тесно связанный с героической эпохой в истории предков современных народов региона – периодом "военной демократии". У протомеотских и кобанских племен появляется прослойка воинской, всаднической элиты, погребения которой, содержащие высококлассные предметы вооружения и конской сбруи, порой отличаются и своими размерами, в чем можно усматривать вызов традициям патриархально-общинного эгалитаризма. Однако еще преждевременно характеризовать эти захоронения как "дружинные" (С.В.Махортых). Имеющиеся на сегодня материалы позволяют социокультурно характеризовать Новочеркасский комплекс, "паспортно" представленный в этих и других могилах, как *межэтническую субкультуру воинской, всаднической верхушки* протомеотских, кобанских и степных племен.

В нашем исследовании *впервые* обращено внимание на то, что новочеркасские формы, редкие в горной зоне Кавказа и почти неизвестные в Закавказье, скорее всего, "отторгались" горцами и их южными соседями как чуждые их укладу *новоделы*. Это положение может дать ключ к уяснению причин отсутствия форм Новочеркасского комплекса в Закавказье и Западной Азии. На наш взгляд, здесь могла сказаться *неготовность носителей новочеркасских традиций к принципиально новым для них условиям района древних цивилизаций и к взаимодействию с культурами совершенно иного уровня*. Новочеркасский комплекс возник на производственно-технической базе, передовой лишь для территории Восточной Европы, опыт которой для Западной Азии был *пройденным этапом*. Новочеркасской "субкультуре", оказавшейся в районах южнее Главного Кавказа в некоем вакууме, должна была быстрее наследовать *иная модель*, более гибкая и лучше применимая в новых условиях. Ее прообраз проглядывает в комплексах типа Лермонтовского разъезда, Бештау, Квиток, Ольшаны и др., в которых содержится *многокомпонентный набор предметов новочеркасских, колхидо-кобанских, закавказских и подунавских типов*, наряду с которыми обязательно присутствуют и *древнейшие скифские вещи* /Дударев С.Л., 1994/. Мы рассматриваем это, как свидетельство начала "собирания" собственно скифского комплекса, шедшего в степях на смену комплексу типа Зольный – Барановка I. Причем своеобразным "коконом" для оформления этого комплекса послужила именно новочеркасская субкультура (А.М.Лесков, В.Р.Эрлих). Мы не знаем,

где и как это в точности произошло, но вероятно, киммерийцам, для того, чтобы продолжать успешную военно-набеговую деятельность в Западной Азии пришлось во второй четверти VII в. до н.э. (или около этого времени) перейти на *келермесскую культурную модель*, зародыши которой проглядывают в комплексах типа Хаджох I/1, более жизнеспособную для условия Древнего Востока.

Контакты северокавказцев с ранними кочевниками "предскифской" эпохи были важным и показательным опытом взаимоотношений оседлого населения с номадами в конкретных исторических, культурных и географических условиях. В IX – первой половине VII в. до н.э. отрабатывались начальные модели партнерства оседлого Кавказа и кочевой Степи. В исследуемое время была подготовлена почва для гораздо более глубокого взаимодействия, а то и слияния целых групп представителей обеих сторон в скифское время.

Северный Кавказ был неотъемлемой частью кавказско-ближневосточного мира. Его культура и идеология традиционно питались импульсами, шедшими с юга. Однако изученные нами материалы демонстрируют тот факт, что некоторые особенности развития коренного населения "предскифской" эпохи, прежде всего, жившего в предгорно-равнинной зоне, настойчиво диктовались северным, кочевым фактором, заставлявшим автохтонов мобилизовывать свои возможности для сохранения традиционного уклада жизни, и в то же время, в определенной степени придававшим новую динамику социальным, политическим и иным процессам у местных племен Предкавказья.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ С.Л.ДУДАРЕВА ПО ТЕМЕ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

1. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. – Грозный: ЧИГУ, 1991. –124 с., ил. Рец.: Chochorowski J. In: Acta archaeologica Carpathica T. XXXII. Krakow. 1993–1994. S. 219–222.
2. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. –Грозный, 1991. –85 с., ил.
3. Кочевники Восточной Европы в событиях зарубежной истории. Программа спецкурса. –Грозный: ЧИГУ, 1983. –27 с. (соавтор В.Б.Виноградов).
4. Происхождение, этническая история и демографические процессы у народов Северного Кавказа. Программа спецкурса. –Грозный: ЧИГУ, 1989. –17 с. (соавтор С.Н.Савенко).
5. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. –Грозный, 1992. –27 с., ил. (соавтор А.П.Рунич).
6. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. –Армавир, 1995. –49 с., ил.

7. Кинжал закавказского типа из Чечено-Ингушетии //СА. 1973. №4. –С.247–248.
8. К характеристике находок сибирско-казахстанского облика из древностей Пятигорья и бассейна р. Терска (конец II – первая половина I тыс. до н.э.) // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа.–Махачкала, 1975.–С.45–47.
9. Рец.: Кавказ и Восточная Европа в древности. –М., 1973 // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (общественные науки) (далее ИСКНЦ ВШ). 1975. № 1. С. 104–105 (соавторы Х.М.Мамаев, В.А.Петренко).
10. Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия) // СА. 1976. №1. –С.257–261.
11. О некоторых предметах погребального инвентаря из захоронений пятигорского варианта кобанской культуры // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). –М., 1976. –С.21–22.
12. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия) // СА. 1977. № 1. С. 276–279 (соавтор В.Б.Виноградов).
13. Рец.: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. –Махачкала, 1974 // ИСКНЦ ВШ. 1977. № 1. С. 114–115.
14. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии // Археология и вопросы атеизма. –Грозный: ЧИГУ, 1977. –С.8–18.
15. Новое о связях кобанской культуры с Югом Восточной Европы // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. Тез. докл. XVII конф. Института археологии АН УССР. –Ужгород, 1978. –С. 51–52 (соавтор В.Б.Виноградов).
16. Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии // СА. 1979. № 1. С. 161–170 (соавтор В.Б.Виноградов).
17. Деталь конской сбруи из окрестностей г. Кисловодска // СА. 1979. № 4. С. 274–275.
18. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тысячелетия до н.э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. –Грозный: ЧИГУ, 1979. –С. 5–13.
19. Некоторые итоги разведок памятников начала раннего железа в Пятигорье и Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. –Грозный: ЧИГУ, 1979. –С.18–27. (соавтор Т.Н.Власова).
20. К вопросу о колхидо-кобанском импорте в Восточной Европе. // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. –Донецк, 1979. –С.95–97.
21. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. –Киев: Наук. думка, 1980. –С. 184–199 (соавторы В.Б.Виноградов, А.П.Рунич).
22. Рец.: Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономиче-

- ские проблемы скотоводства в Грузии. –Тбилиси, 1979 // Быт и культура Юго-Западной Грузии. Вып. VII. –Тбилиси, 1980. –С. 147–157 (соавтор В.Б.Виноградов).
23. О ранних погребениях Аллероевского I-го могильника // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. –Грозный: ЧИИИСФ, 1981. –С.112–122.
24. К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев // Античные государства и варварский мир. –Орджоникидзе, 1981. –С.37–48.
25. К изучению материалов рубежа II–I – начала I тысячелетия до н.э. из плоско-стной Чечено-Ингушетии // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. –Грозный: ЧИИИСФ, 1982. –С. 62–78 (соавторы Р.А.Даутова и Т.Н.Власова).
26. О некоторых особенностях культурного процесса у племен эпохи поздней бронзы восточной части плоско-стной Чечни // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума. –Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982. –С.38–41.
27. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н.э. из Предкавказья // АСГЭ. № 23. –Л.: Искусство, 1983. –С. 49–54 (соавтор В.Б.Виноградов).
28. К хронологии раннего этапа скифо-северокавказских взаимоотношений // Известия Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. Вып. XXVI. –Цхинвали, 1983. С. 114–127 (соавтор В.Б.Виноградов).
29. О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н.э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. –Черкесск, 1983. –С. 7–17 (соавтор В.Б.Виноградов).
30. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. –Грозный: ЧИГУ, 1984. –С.15–30.
31. Рец.: Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. –Ростов н/Д, 1983 // ИСКНЦ ВШ. 1984. № 4. С. 101–102 (соавтор В.А.Петренко).
32. К этнополитической истории Кавказа в эпоху киммерийско-скифских походов // Археология и краеведение – вузу и школе. Тез. докл. и сообщ. Второй регион. научно-практ. конф. –Грозный, 1985. –С. 42–44.
33. К выходу научного сериала "Археологические памятники Иорского ущелья" // Известия АН Груз.ССР (Мацне). 1985. № 1. С. 178–184 (соавторы В.Б.Виноградов, Х.М.Мамаев).
34. Рец.: Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. –Киев, 1984. // ИСКНЦ ВШ. 1985. № 1. С. 102–103 (соавтор В.Б.Виноградов).

35. О хронологии некоторых памятников конца II – начала I тысячелетия до н.э. из Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. –Грозный, 1986. –С.24–33.
36. Рец.: Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. –М., 1982 // Изв. АН ГССР (Мацне). 1985. № 4. С. 171–177 (соавтор В.Б.Виноградов).
37. Некоторые аспекты проблемы освоения железа населением Северного Кавказа // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. –Грозный: ЧИГУ, 1987. –С.20–35.
38. Памятники Прикубанья киммерийского времени и проблема периодизации – хронологии древностей предскифского периода Северного Кавказа // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. –Краснодар, 1989. –С. 4–5.
39. О датировке комплекса из всаднического погребения в кургане в уроч. Веселая Долина // Научно-практический семинар "Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе" 19–21 апреля 1989 г. Тез. докл. –Донецк, 1989. –С. 136–137.
40. К этнической интерпретации антропоморфных изображений на бронзовых поясах из погребений № 74 и 76 Тлийского могильника // Тезисы докладов областной конференции "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья", посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б.Н.Гракова. –Запорожье, 1989. –С. 42–44.
41. Материалы эпохи бронзы из Калиновских курганов (ЧИ АССР) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. –Грозный, 1990. –С. 7–17 (соавтор Б.М.Хашегульгов).
42. Погребения с оружием из раскопок Сержень-Юртовского могильника 1987 г. // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.) Тез. докл. научн-практ. конф. –Грозный, 1991. –С. 36–40.
43. Древности позднесрубного типа из Центрального и Восточного Предкавказья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в н.э.). Материалы международной конференции. –Кишинев. 10–14 декабря 1990 г. –Киев, 1991. –С.122–124.
44. К интерпретации некоторых находок краеведов Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод (материалы I-й региональной конференции). –Кисловодск, 1992. –С.22–27.
45. О связях Северного Кавказа с Закавказьем в начале I тысячелетия до н.э. (по материалам Пятигорья и Верхнего Прикубанья) // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. –Мелитополь, 1992. –С.28–29.

46. К характеристике книжалов предскифского времени из Закубанья // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Краснодар, 1993. – С. 32–33.
47. Два комплекса VIII–VII вв. до н.э. из Пятигорья (новые находки кавминводских краеведов) // Первые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1993. – С. 14–16 (соавтор В.А. Фоменко).
48. О семантике киммерийских стел из Предкавказья // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). – Кисловодск, 1994. – С. 36–37.
49. Выступление в дискуссии по докладу М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского "Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных" // Материалы Международного "Круглого стола" "Ранние скифы и культура" ВДИ, 1994, № 1, С. 71–73.
50. О происхождении биметаллических чеканов из Малой Азии // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Тез. докл. междунар. конф. – Кисловодск, 1994. – С. 13–15.
51. К характеристике основных этапов взаимоотношений населения Кубани с внешним миром в предскифскую эпоху // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-теоретической, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова. Ч. 2. – Армавир, 1994.
52. К вопросу о колесницах VIII–VII вв. до н.э. из Прикубанья // Там же. – С. 7–9 (соавтор А.Л. Пелих).
53. К этнокультурной оценке некоторых элитных комплексов VIII–VII вв. до н.э. Северного Кавказа и Причерноморья // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22–24 декабря 1994 г., г. Санкт-Петербург). – СПб., 1994. – С. 90–92.
54. О взаимоотношениях племен кобанской культуры с населением Закубанья в первой половине I тыс. до н.э. // Вторые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1994. – С. 16–17 (соавтор А.Л. Пелих).
55. О хронологической позиции памятников новочеркасского типа // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII международной конференции. – Ростов н/Д, 1994. – С. 13–16.
56. Основные этапы всемирной истории: Методический материал // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1995, № 5. – С. 126–135 (соавторы В.Б. Виноградов, Е.И. Нарожный).
57. К вопросу об этнокультурном атрибутировании "скифской триады" // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские

- чтения") (Москва, апрель 1996 г.). Тезисы докладов. – М., 1996. – С. 71–73.
58. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. – Армавир, 1996. – 16 с., ил. (соавтор В.А. Фоменко).
59. О взаимоотношениях населения бассейна р. Кубани и племен кобанской культуры (эпоха поздней бронзы – раннего железа) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов н/Д, 1996. – С. 21–25 (соавтор А.Л. Пелих).
60. Бронзовое оружие восточно- и центрально-закавказского типа в Чечне (конец II – начало I тыс. до н.э.) // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Армавир, 1997. – С. 5–21 (соавтор Т.Н. Нераденко).
61. О характере скифо-кавказского этнокультурного взаимодействия в VII–VI вв. до н.э. // Там же. – Армавир, 1997. – С. 22–34.
62. К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время // Там же. – С. 35–49.
63. К вопросу о хронологическом соотношении памятников черноголовского и новочеркасского типов // Историческое регионоведение – вузу и школе (пятая региональная научно-практическая конференция). – Славянск-на Кубани, 1997. – С. 4–6.
64. О некоторых особенностях протомеотского погребального обряда // Четвертые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1997. – С. 6–9 (соавтор А.Л. Пелих).
65. К изучению этнических процессов в Закубанье в VIII–VI вв. до н.э. // Там же. – С. 10–11.
66. Еще раз о дате клада Прюдь и ее значении для хронологии предскифского времени Северного Кавказа и Северного Причерноморья // XX юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Железноводск, 1998. – Ставрополь, 1998. – С. 39–40.
67. Могильник "Лермонтовская скала (у реки)" – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. – Ставрополь, 1998. – С. 167–209 (соавтор Я.Б. Березин).
68. Еще раз о локализации страны Гамир (в свете гипотезы о раннескифском содержании киммерийской культуры) // Проблемы всеобщей истории. Вып. 4. – Армавир, 1998. – С. 4–7.
69. К историографии вопроса о соотношении культур киммерийцев и скифов // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани (тезисы). – Армавир, 1998. – С. 12–14.

70. Киммерийская проблема и Северный Кавказ // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (22–26 ноября 1998 года). Тез. докл. –Ростов н/Д, 1998. –С. 104–105.
71. О некоторых аксессуарах "киммерийской" стелы из района г.Армавира // Пятые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). –Армавир, 1998. –С. 5–7 (соавтор Н.И.Навротский).
72. К вопросу о месте "киммерийских" комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. 1998. № 4. С.77–93.
73. Новые данные по предскифскому времени в Пятигорье (Северный Кавказ) // *Eurasia antiqua*. № 4. Berlin (соавтор Я.Б.Березин) (в печати).

Подписано в печать 16.04.99

Формат 60x90/16. Бумага офсетная

Усл. печ.л. 2

Тираж 100

Армавирский финансово-экономический институт

г.Армавир, ул.Кирова, 127

Типография